

Обоснованность и свойственность права на примере норм о решениях собраний

А.Ю. Михайлов

1 марта 2021

Рассмотрены обоснованность права и свойственность права как важнейшие начала права. Определены их содержания и возможности их применения на примере узаконения права о решениях собраний, а также сделана оценка узаконения с точки зрения этих начал.

Обоснованность права описана с новой точки зрения, как начало права, которое делает возможным не только объективность (независимость от индивидуального сознания) положительного права, но и объективность самого хода его происхождения. Обоснованность права противопоставлена научной обоснованности правовой политики.

Свойственность права введена как начало права, которое в совокупности с обоснованностью права достаточно для сотворения всего множества отраслевых правовых предписаний (возможно, с исключениями). Свойственность права противопоставлена социальной адекватности права в концепции правовой политики.

Узаконение права о решениях собраний оценено с точки зрения рассмотренных начал права, а также общеправовой уместности. Сделаны предложения законодателю о его улучшении без коренного изменения его смысла. Построен примерный образ права о собраниях, отвечающий рассмотренным началам права.

Видится, что вес начал права в праве, как целостной стороне общественной жизни (праве, положительном праве, правосознании, правопонимании, правотворчестве, науки и учения о праве, правоприменении и т.д.), необходим значительно больший, чем есть сейчас. Ниже будут определены два начала права, которые в совокупности могут быть достаточны для сотворения всего множества отраслевых правовых предписаний. Речь идёт, в первую очередь, об общеобязательных отраслевых предписаниях-правилах, предписаниях-требованиях, так как, конечно, многообразие различных видов предписаний права (не говоря о неписанных, но значимых в правовом смысле велений различной природы) неохватно, чтобы исчерпывающе о них рассуждать.

Первое начало — обоснованность права Один из фундаментальных принципов современного права это его произвольность. Нормы права достаточно общи, чтобы индивидуальный правовой акт (или явление), который для индивида и воплощает право, был построен на его основе, а значит и в согласии со всеми иными предметно схожими индивидуальными правовыми актами (явлениями). Но таким узким образом понятая произвольность права кажется недостаточной. Обоснованность может быть понята более глубоко, в развитие принципа произвольности права. Если сама норма произвольна, то в широком смысле право не может считаться произвольным. Возможно ли обоснованное право, такое, что каждая норма достаточно обоснована, чтобы её можно было счесть объективной, в том смысле, что по разумном и добросовестном рассуждении с ней нельзя не согласиться. Конечно, вообще говоря, такое право невозможно, право не может быть всецело априорным, но его апостериорные элементы, и это представляемая в заметке гипотеза, могут быть заключены лишь в подходах, содержании этих подходов, возможно, в целях правотворчества или общих его началах, но сами нормы могут проистекать, выводиться из них бесспорно, умозрительно.

Такая обоснованность права значительно отличается от научной обоснованности правовой политики. Самые значительные отличия заключаются в образе права, в месте научно-правово-

го сообщества, в целенаправленности права. С точки зрения научно обоснованной правовой политики право носит целесообразный характер, и научно обосновывается его содержание с точки зрения, в конечном итоге, эффективности правового регулирования, соответствующего правовой политике. С точки же зрения обоснованности права право, хотя отчасти и может быть само по себе целесообразным, но его чистый образ это право дефинитивное, такое, что для определённости содержания права достаточно онтологизации предмета права, выделения объектов, определения их границ, релевантизации и аксиологизации предмета права. Его целесообразность это не целесообразность напрямую положений права, а целесообразность подходов, начал, основ, способов его определения. И место научно-правового и правового сообщества в одном случае это научное и отраслевое обслуживание правовой политики, а в другом случае прямое, конечно, в чистом случае, определение, до степени объективности, способа получения и, отчасти, самого содержания права.

Второе начало — свойственность права Свойственность права — это соответствие права своему предмету, имманентность права обществу, его естественность и непринужденность, широта и сила, которая позволяет праву оказывать и обратное влияние на общество. Иначе говоря в основе свойственности права лежит его неотчуждённость. На примере современного российского права мы видим, что отчуждение права от общества пагубно влияет на него. Возможно поэтому несмотря на серьёзные усилия по развитию российского права оно находится не на подъёме. За всё время его развития оно так не приобрело ни стабильности, ни эффективности. Оно продолжает оставаться, даже в своих конституционных основах, ситуативным, вторичным по отношению к развитым правовым порядкам. Закон теряет своё пока ещё высокое символическое значение, законность почти полностью утрачена. Сфера права, по крайней мере в некоторой части, продолжает ужиматься, а правовое регулирование замещается иными регуляторами.

Свойственность права находится в противостоящем положении социальной адекватности права в концепции правовой политики. Если для концепции правовой политики социальная адекватность права вещь граничная, которую лишь принимают надлежащим образом во внимание при научном обосновании права, так как без него право потеряет значительную часть своей эффективности, то в свойственном праве право самоценно и самобытно и принадлежит обществу, а потому социальная адекватность не внешнее граничное условие, а врожденное качество права. Конечно, свойственное право может обладать свойством и опережающего отражения, но лишь в той степени, в какой соответствующее такому опережению движение действительно есть и сильно в самом обществе. Конечно, свойственное право это не опрошенное обыденное право, потому как наука права выступает в нем упорядочивающим началом, составляя из многослойного общественного, в том числе обыденного, правосознания подлинное право, ограняя его всем знанием и опытом отрасли и науки, оставляя его в передовых пределах человечности.

Способы правотворчества. Право может быть как прямо целесообразным, так и прямо нецелесообразным. Само по себе это не говорит о его качестве. Право может быть обосновано как в целях, так и напрямую в подходах его образующих. Скорее всего, во всяких действительных обстоятельствах и целесообразный и нецелесообразный способы правотворчества будут использоваться совместно. Обоснованность права, хотя и тяготеет, как выше указано, к прямо нецелесообразному праву, но во всяком случае требует наибольшей явности, прямого объявления целей или подходов на основе которых ведётся правотворчество. Способ образования таких истоков права, способ их обнаружения в практике может быть политическим или идеологическим, нельзя отрицать и других, но по крайней мере они всегда присутствуют в разных соотношениях.

Политический способ правотворчества, в случае российской практики, в основном законодательный, хотя и выставлен на первый план, по сути не имеет большого значения, являясь в основ-

ном имитационным. Механически строгий процесс правотворчества не обрёл в России политического измерения, не стал политической площадкой, возможно, потому что публичная политика, политическое представительство, соперничество общественных слоёв и групп, балансирование их интересов не является значимым или развитым фактором общественной жизни.

Похоже, современное российское право в основном идеологично, что не уникально для истории российского права. В некотором отношении идеологичность, это форма преемственности российского права. Эта же идеологичность является на современном этапе и причиной его вторичности — вслед за импортом идеологии было во многом импортировано и право.

Российский законодатель не говорит явно об идеологичности права, и не объявляет строго свои идеологемы. По форме субъект правотворчества заявляет о целесообразности российского права. Обратимся к концепции развития гражданского законодательства РФ, которая оказывала и оказывает определяющее влияние на формирование гражданского законодательства.

Целями разработки концепции, а значит, опосредовано, и целями правотворчества в области гражданского законодательства Президентом РФ определены:

- дальнейшее развитие основных принципов гражданского законодательства Российской Федерации, соответствующих новому уровню развития рыночных отношений;
- отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации опыта его применения и толкования судом;
- сближение положений Гражданского кодекса Российской Федерации с правилами регулирования соответствующих отношений в праве Европейского союза;
- использование в гражданском законодательстве Российской Федерации новейшего положительного опыта модернизации гражданских кодексов ряда европейских стран;
- поддержание единообразия регулирования гражданско-правовых отношений в государствах-участниках Содружества Независимых Государств;
- обеспечение стабильности гражданского законодательства Российской Федерации.

Три из указанных целей относятся к импорту, заимствованиям и унификациям российского права с правом иных юрисдикций. Обеспечение стабильности и отражение опыта толкования и применения гражданского законодательства судом как цели находятся внутри права, а потому в полной мере целями не являются. Они носят вспомогательный и граничный характер не давая ориентиров для определения существа норм. Первая из указанных целей может интерпретироваться как широкая идеологема.

Все вместе указанные цели дают понимание, что субъект правотворчества в части гражданского права рассматривает его в целом как нецелесообразное идеологизированное право. По сути авторам концепции предложено самостоятельно сформировать принципы правотворчества на идеологической базе российского права как права первоочередно ориентированного на экономический аспект гражданского оборота, вторичного по отношению к юрисдикциям с максимально развитыми рыночными отношениям.

Принципы концепции развития гражданского законодательства. Восполняя отсутствие предопределённых принципов гражданского правотворчества и пользуясь предоставленной возможностью, авторы концепции перед формированием предложений о составе норм определяют следующие принципы (принципы, в основном, текстуально повторены из концепции, отличия внесены минимальные и только для краткого и понятного формулирования их отдельно от основного текста):

- стабильность гражданско-правового регулирования;

- устойчивость экономических отношений и гражданского оборота в стране;
- поддержание основополагающей роли ГК в системе гражданского законодательства;
- бережное сохранение на будущее большинства норм ГК;
- устранение всего, что воплощает планово-административную регламентацию имущественных отношений;
- внесение в ГК регулирования гражданско-правовых отношений по поводу имущества, составляющего основу гражданского оборота – земли и других природных ресурсов;
- устранение несовершенства регулирования гражданско-правовых отношений по поводу имущества, составляющего основу гражданского оборота – земли и других природных ресурсов;
- устранение недостаточной для рыночных условий завершенности в законе ряда классических гражданско-правовых институтов, таких как недействительность сделок, создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц, законные проценты, уступка требований и перевод долга, залог и др.;
- свобода и многовариантность экономического поведения участников гражданского оборота;
- дополнение и детализация общих положений ГК, отсутствие которых не может быть восполнено судебным толкованием;
- адекватное развитию экономики вообще и финансового рынка в особенности регулирование ценных бумаг и финансовых сделок;
- постоянное совершенствование законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности в связи с научно-техническим прогрессом вообще и непрерывно нарастающими возможностями использования информационно-телекоммуникационных сетей в частности;
- сопоставимые результативным усилиям, предпринятым в последние годы в рамках Европейского Союза по развитию коллизионного права, изменения отечественного международного частного права;
- включение корпоративных отношений в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством и определяющих его предмет;
- выявление стабильных закономерностей регулирования корпоративных отношений и дальнейшей кристаллизации этих закономерностей;
- создание в ГК комплекса взаимосвязанных институтов вещного права, имеющих своей основой право собственности и объединенных развернутой системой общих норм вещного права;
- восполнение отсутствия многих институтов вещного права;
- выправление институтов вещного права, лишь намеченных «пунктирно» с серьезными при этом искажениями;
- создание системы стабильных вещных прав на землю и другие природные ресурсы;
- обеспечение добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей;
- введение широкого спектра мер, направленных на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования;
- усиление и повышение эффективности гражданско-правовой ответственности;
- усиление компенсаторной функции гражданского законодательства, значение которой выходит за рамки гражданско-правовой ответственности;
- развитие и эффективное функционирование экономики;
- детальное развитие гражданского законодательства путём восполнения обнаружившихся в нем пробелов;
- детальное развитие гражданского законодательства путём превращения в общие нормы (генерализации) ряда имеющихся частных правил;
- детальное развитие гражданского законодательства путём пополнения законодательства новыми институтами;

- детальное развитие гражданского законодательства путём уточнения норм, допускающих неоднозначное толкование;
- создание в ГК новых общих правил либо придание более широкой сферы действия нормам, уже установленным ранее в ГК для отдельных видов отношений;
- скрупулезная детализация многих нормы общей части обязательственного права на основе выводов из анализа обширнейшей практики применения соответствующих норм арбитражными судами;
- скрупулезная детализация многих нормы общей части обязательственного права путём заимствования удачных решений, найденных при кодификации принципов договорного права в рамках УНИДРУА, в Европейском Союзе;
- поиск баланса частных и публичных элементов в гражданском праве, основанный на достижениях европейской доктрины частного права;
- отказ в ряде случаев от публичных элементов регулирования в пользу частноправовых подходов;
- значительное усиление влияния государства и как законодателя, и как судебной власти на содержание и состояние гражданского правопорядка в стране в общих интересах всех участников гражданского оборота, в интересах общества в целом;
- ужесточение по целому ряду вопросов, особенно в вещном и корпоративном праве, регулирования, придание ему большей императивности;
- ограничение свободы усмотрения сторон в интересах стабильности оборота и предсказуемости принадлежности правовых благ;
- преобладание частноправового метода регулирования в гражданском праве;
- обеспечение стабильности гражданско-правового регулирования и устойчивости гражданского оборота;
- отказ от «трехуровневой» системы гражданских законов;
- упорядочивание образовавшегося в законодательстве нагромождения плохо согласованных норм о залоге;
- исправления на уровне «юридической азбуки» в законодательстве о железнодорожном и внутреннем водном транспорте;
- четкость и ясность используемых правовых конструкций;
- несоздание для участников гражданского оборота неоправданных препятствий и трудностей в их деятельности.

Взяты вышеперечисленные принципы из введения концепции. В перечень включены те положения, которые можно счесть сколько-нибудь общими принципами, а не частными формулировками предложений, которые будут раскрыты в отдельных разделах.

Критику этих принципов со стороны авторского взгляда на право, как на обоснованное право, можно вести по многим позициям.

Обоснованность права и принципы гражданского законодательства. Хотя авторы концепции и воспользовались данной им возможностью сформулировать принципы гражданского правотворчества, но эта попытка кажется не вполне удачной. Эти принципы не сформулированы явно, как принципы, на базе которых будут строиться отдельные предложения концепции. Принципы перемешаны с более или менее конкретными предложениями. Не отделены друг от друга более общие и широкие принципы от более узких. Более узкие принципы даны без связи с более широкими и объединены в группы. Во введении некоторые принципы неоднократно повторены. Не указано происхождение принципов из данных указом президента целей разработки концепции. Принципы не упорядочены по их важности или приоритетности при их столкновениях друг с другом, так же не даны иные способы разрешения противоречий при их применении. Сами предложения не происходят явно из указанных во введении принципов.

Если смотреть на концепцию с точки зрения обоснованности права, то виден целый ряд указанных выше пороков. Как видится, причина в том, что обоснованность права является глубоким подходом к правотворчеству, без полного и целостного усвоения которого субъектом правотворчества невозможно систематическое и стройное «дальнейшее развитие основных принципов гражданского законодательства Российской Федерации».

Попытаемся из указанного набора восстановить широкие принципы, относящиеся к содержанию, не форме, права:

- постоянство гражданского права;
- соответствие права постоянно развивающимся рыночным условиям и восполнение его пробелов;
- высокое влияние государства на содержание и состояние гражданского правопорядка;
- устойчивость экономических отношений и гражданского оборота;
- максимальная детализация до степени, отсутствие которой не может быть восполнено судебным толкованием;
- господство общих норм и снижение веса частных правил;
- преимущественно частноправовой подход к гражданскому праву;
- действенность и полнота гражданско-правовой ответственности;
- свобода и многовариантность экономического поведения участников гражданского оборота;
- укрепление нравственных начал гражданского права;
- недопустимость неоправданных другими целями препятствий для участников оборота.

Указанные восстановленные принципы упорядочены по их приоритетности для авторов концепции. Приоритизация лишь предполагается на основе прочтения автором концепции гражданского законодательства и восстановления фактического приоритета. Идущие ниже принципы при столкновении с идущими выше проигрывают. За исключением тех столкновений, в которых сталкиваются частные и публичные элементы, в них разрешение происходит на основе достижений европейской доктрины частного права.

Восстановленные принципы ниже будут применяться в попытке провести анализ введённого института решений собраний.

Свойственность права и принципы гражданского законодательства. Если взглянуть на указанные восстановленные принципы с точки зрения свойственного права, то придётся сначала обсудить, какие подходы являются свойственными отечественному правосознанию. Эти подходы укореняются в первую очередь в обыденном правосознании, потому что только то право действительно и принадлежит своему обществу, которое покоится своими основами на общественном правосознании, а не только на правосознании сословия правоведов. Дальнейшее изложение следует понимать с учетом цели заметки, никакие перечни не закрыты.

И здесь сразу заметно то чрезмерное значение, которое придается экономическому в господствующей идеологии и принципах гражданского права. И в этом видна глубокая преемственность с советским периодом, который также ставил экономику выше прочего. Но в большинстве своём чисто экономические, тем более предпринимательские, отношения не являются преобладающими в частной жизни большинства, а значит и в бытовом правосознании не являются преобладающими.

Свойственность права и подходы к построению обоснованного гражданского права. Строя набор подходов к праву, происходящих из обыденного правосознания, необходимо иметь в виду, что право, даже обоснованное в таких подходах должно обладать необходимой строгостью и вбирать тем не менее в себя накопленный опыт правовой науки. В основе такого правотворчества лежит воззрение на право как на, по необходимости, упорядоченное, по-

нятное, доступное, действенное, разумно обоснованное, при этом несамодостаточное само по себе, неотчужденное от правоотношений и их участников, ненавязчивое.

Среди самых общих начал такого права, которые прямо могут использоваться в правотворчестве:

- единство права — встроенность узаконений в общий правовой порядок;
- обоснованность права — происхождение правоположений из общих и отраслевых правовых подходов с учётом предмета права, недопустимость произвольного или чрезмерного правотворчества;
- свойственность права — отражение правосознания участников правоотношений в общих правовых подходах, ненавязчивость права;
- предметность права — охватывание правом в основном действительно существующих отношений в их настоящем виде, неискусственность права.

Предметность права, широко говоря, может рассматриваться как качество свойственности, а единство права, как качество обоснованности, но ввиду их значительного объёма и самостоятельности они выделены отдельно.

Среди подходов, приложимых к гражданско-правовому законодательству и праву:

- Безусловная ценность законности. Теряемое качество права, но присутствующее в обыденном правосознании на очень высоком месте. Очень богатый по своему содержанию подход. Из него следуют, кроме прочего:
 - предпочтение защите права над противостоящими ей правовыми ценностями;
 - безусловное отсутствие отрицательных последствий для лиц, положившихся на обязательность требований права;
 - недопустимость извлечения пользы из неправомерного поведения;
 - недопустимость оправдания поведения, которое по существу совокупности предписаний следует рассматривать как неправомерное;
 - самодейственность права — оно действенно в силу своей разумности и преобладающего положения в общественном сознании, его повелительность не требует сама по себе внешнего ему подтверждения или вмешательства властной силы;
 - отсутствие всяких преград и всемерное потворствование правомерному поведению;
 - безусловный выбор правом правомерно действующей или пострадавшей от неправомерных действий стороны при столкновении сторон;
 - обязательность ответственности по существу правонарушения за неправомерное поведение;
 - обязательность ответственности за неправомерное поведение, выходящей за рамки гражданско-правовой ответственности, если невозможна соразмерная ответственность в её пределах. При создании гражданских правоположений не может быть осуществлен, так как выходит за пределы гражданских правоотношений, но всё же важен в увязке с другими отраслями права.
- Обязательность добросовестности в правомерном поведении. Нравственное качество права, в согласии с разумностью, порядочностью, участливостью. Среди прочего это:
 - не менять беспричинно своих намерений;
 - не вводить в заблуждение, не притворствоваться;
 - не действовать заведомо к разобщению иных лиц или во вред существа дела;
 - не действовать преимущественно во вред иных лиц;
 - не отказывать в необременительном содействии или помощи;
 - не пренебрегать пользой для иных лиц, учитывать пожелания и благо для них;
 - не уклоняться от забот, если это досаждают иным лицам.
- Равенство участников правоотношений. Право не может быть в обыденном правосознании иначе как защитником слабых, иначе не будет приниматься и действенно работать.

Право уравнивает слабую сторону с сильной. Из этого следует, кроме прочего:

- одинаковое правовое положение в целом всех участников и их соединений;
- недопустимость необоснованного наделения участников и их соединений различным правовым положением;
- недопустимость вменения обязанности претерпевать более неблагоприятные последствия, чем иным участникам.
- недостаточность для правового договорного или схожего отношения надлежащего волеизъявления самого по себе. Волеизъявление должно быть подкреплено ссылкой на обычные условия, равенство переговорных возможностей, общественную пользу или достаточную пользу для всех сторон правоотношений, невозможность взаимного или для значительного для одной стороны при малых потерях для другой стороны улучшения договорных условий или иное схожее основание;
- недопустимость получения преимуществ за счёт лучшей осведомленности, имущественного превосходства, большего влияния или в целом преимущества в переговорной силе.
- Небрежность права. Очень важный подход. Важнейшая ценность в обыденном сознании это возможность вести спокойную частную жизнь необременённую правом, которое призвано её защищать. Из него следует, кроме прочего:
 - небрежность правомерного поведения;
 - недопустимость предположений об обременительности правоотношений на основе вменённых или преимущественных способах поведения — они не будут соответствовать действительности во всех случаях, а значит и соответствующие предположения об обременительности будут неверны;
 - небрежность, по возможности, самого вступления и участия в правоотношениях;
 - перенос бремени на предприимчивую сторону правоотношения;
 - возможность отстраниться от правоотношения и несение при этом наименьшего возможного бремени;
 - бережливость права — недопустимость порождения правом обстоятельств, которые тяготят участников отношений в целом, создают им препятствия, потворствуют расходам, неадекватности, издержкам, приводят к потерям в целом.
- Свобода сторон правоотношений в широком смысле. Включает в себя, кроме прочего:
 - свобода усмотрения сторон правоотношений;
 - свобода отпирать свою волю;
 - самостоятельность и опора на свои силы;
 - самобытность воли;
 - неподчинённость властным требованиям.
- Стройность права. В обыденном правосознании недостаточно качественные правоположения уничтожают уважение к праву. Правотворчеством требуется заниматься вдумчиво и рассудительно. Среди прочего, это означает:
 - общие правоположения предпочтительнее частных требований;
 - правоотношения должны быть всесторонне покрыты без упущений и неясностей;
 - недопустимы случаи при которых участники правоотношений вынуждены обращаться к правовым уловкам будучи добросовестными;
 - внимание должно быть уделено крайним, особым, угловым, сложным случаям в той же мере, что и самым распространённым.
- Устойчивость правоотношений. Предсказуемость правового состояния участников правоотношений.

Апостериорными могут быть и частные подходы и их содержания и цели правотворчества, но сами правоположения могут быть только априорными.

Изложенные подходы могут быть взаимно противоречивы на определённых предметах пра-

ва, а значит требуется их упорядочение. Предлагается их расположить по важности в том порядке, каком они изложены. Узкие подходы, по-видимому, равно важны и их следует применять в совокупности.

Законность стоит выше нравственного подхода к праву, так как она определяет в первую очередь смысл внутреннего устройства права, а не его основное содержание, то есть оно определяет должное как взаимосогласованный ряд положений и, скорее всего, редко когда, если вообще это возможно, будет противоречить нравственному качеству права.

Указанный выше набор подходов к содержательному построению права будет использован ниже для попытки разработки образа права о решениях собраний на их основе.

Теперь перейдем к правовым предписаниям о решениях собраний из Главы 9.1 ГК РФ.

В этой части заметка преследует две цели. Первая, проанализировать и дать критику правоположений о решениях собраний с точки зрения обоснованности права и восстановленных принципов гражданского законодательства, а также и общих начал, уместности права и приёмов его законодательного закрепления; выявить состав предмета правоположений о решениях собраний; обнаружить упущения, противоречия и неточности, нарушения их взаимосответствия. И вторая, взглянуть на правоположения о решениях собраний с точки зрения свойственности права и попытаться вывести из подходов, построенных на основе такой точки зрения выше, пусть не законченный, но достаточно определённый образ права о том же предмете, тем самым подтверждая саму такую возможность.

Анализ узаконения права о решениях собраний. Восстановим из текста узаконения правовой язык предмета.

Собрание — явное или не явное определение не дано. Есть указание на собрание как на длящееся событие, которое, по меньшей мере, имеет такие части: созыв, подготовка и проведение. Смысл подразумевается и строится на основе соотнесения с другими понятиями, а так же на основании иных законов и их положений об отдельных видах собраний.

Решение собрания — волеизъявление, построенное на основе волеизъявлений участников собрания, которое в силу закона связывает по меньшей мере тех лиц, которые имели право войти в состав участников собрания. Кроме того, иные лица связаны волеизъявлением в силу закона или существа отношений.

Участник гражданско-правового сообщества — лицо, которое в силу закона, имеет право войти в состав участников собрания.

Гражданско-правовое сообщество — явное или неявное определение не дано. Понятие не используется вне понятия участник гражданско-правового сообщества.

Участие в собрании — явное или неявное определение не дано. По смыслу нормы об оспоримости решения, принятого по вопросу не включённому в повестку дня собрания, можно счесть, что понятие участия в собрании и участия в проведении собрания допустимо рассматривать как равные или близкие по смыслу.

Голосование — волеизъявление участника собрания, которое по меньшей мере может быть простым «за» или простым «против». Есть указание на возможность воздержаться от голосования.

Повестка дня собрания — ряд вопросов, являющихся предложениями о принятии решения, таких, что возможно их принятие простым «за». При этом так как решение за пределами повест-

ки дня собрания может влечь ничтожность решения собрания, если не все участники приняли участие, то повестка должна быть образована по меньшей мере до того как появится возможность осуществить право на участие в собрании.

Кворум — участие в собрании не менее половины участников гражданско-правового сообщества.

Компетенция собрания — установленные законом полномочия собрания в принятии решений, связывающих участников гражданско-правового сообщества.

Протокол собрания — письменный документ, подписанный председателем собрания и секретарём собрания, содержащий требуемые законом сведения о принятии решения собранием.

Критика узаконения права о решениях собраний с общеправовой стороны. Дадим оценку обсуждаемым правоположениям на основании этих предметных описаний, восстановленных из их смысла со стороны общих начал, уместности права и приёмов его законодательного закрепления.

Самое общее замечание в том, что собрание никак не определено, явно или неявно. Это следствие того, что конструкция собрания целиком вторична. Она не предметна по своему существу, а сконструирована как следующая прямо из закона и не имеющая своего правового воплощения в действительных отношениях без него.

При этом хотя понятие собрания по существу стоит перед понятием решения собрания, в обсуждаемых правоположениях дело обстоит ровно наоборот. Понятие решение собрания явно определено, а собрание вторично относительно него. Но даже так в статье о принятии решения собрания, понятие решения собрания не обходится без использования таких понятий как участник собрания, участие в собрании, председатель собрания, секретарь собрания, то есть само понятие собрание используется как более общее.

При этом глава о решениях собраний включена в подраздел о сделках и представительстве, что даёт основания предположить, что законодатель желает придать решениям собраний то же правовое положение, что сделкам. По смыслу введённых правовых конструкций (вторичных и неперспективных) этого не произошло. Хотя прямых отрицательных последствий, по всей видимости нет, но это в целом не идёт на пользу гражданскому законодательству и, наверняка, повлечёт отрицательные последствия в будущем.

Главой вводится формулировка «гражданско-правовое сообщество», при этом она ни разу не используется отдельно от понятия участник гражданско-правового сообщества, что даёт основания считать, что такая формулировка не слишком удачна и не обозначает какого-либо определённого понятия, раз нет ни одной нормы, которая бы использовала только его. Кроме того есть, как кажется, неряшливость в употреблении понятия участник гражданско-правового сообщества, так как в одном месте используется вместо него «член гражданско-правового сообщества».

Если говорить об иных неточностях, то можно сказать о двух формулировках, которые используются, похоже, в одинаковых смыслах, это: протокол о принятии решения, протокол о результатах голосования. Такая синонимичность не делает уяснение норм легче. Возможно, законодатель имел в виду возможность проведения очно-заочных собраний, когда составляются протоколы о результатах отдельно очного и заочного голосования, а потом уже протокол о принятии решения на их основе. Но даже в таком случае появится неясность с набором обязательных сведений.

Есть, как кажется, значительная проблема в норме о принятии решения собрания. Пусть есть один вопрос в повестке дня собрания и пять участников гражданско-правового сообщества.

Два голосует за, два не участвует в собрании. Тогда голосование против приведёт к принятию решения, а неучастие к непринятию. Это нелогично, разрушает стройность правовой конструкции и создаёт стимулы к неучастию в собрании, что нежелательно с точки зрения стимулирования активного гражданского оборота.

Другой значительной проблемой главы является отсутствие общих норм: о порядке созыва, подготовки, проведения собрания; об участии в собрании; об обязательных ролях в собрании; о вступлении в действие решений собраний, возможно, и других.

Всякое отсутствие, кроме простого упоминания, норм об этапах собрания, а так же и отсутствие общих норм о порядке созыва, подготовки и проведения собрания с неизбежностью осложняют споры о решениях собрания. Ведь существенное нарушение порядка созыва, подготовки и проведения собрания является основанием признания решения собрания недействительным, а нормы законов об отдельных видах решений собраний также могут не содержать подробных норм о порядке их созыва, подготовки и проведения.

Не установлены временные рамки этапов собраний, а значит и нет ясности о времени надлежащего образования повестки дня собрания. Нет ясности в связи с этим о надлежащих моментах установления круга участников гражданско-правового сообщества, который может меняться сравнительно быстро и по составу лиц и даже по их числу. Так как этап проведения собрания может быть длительным, то что с теми, кто станет участником гражданско-правового сообщества в момент или незадолго до проведения собрания? Такие вопросы могут быть заданы во множестве, а единообразные ответы на них вряд ли можно получить из судебного толкования.

Очень серьезным пороком является отсутствие указания на достаточно точный смысл понятия участия в собрании. Будет ли участие в подготовке собрания участием в собрании? Будет ли только лишь подписание протокола председателем собрания участием председателя в собрании? Вопросы тем более важны, что споры по ним будут означать не просто споры о недействительности решения собрания, а о том было ли решение принято или нет, так как от числа участвующих в собрании зависит превышение кворума. Кроме того, по меньшей мере в случае принятия решения за пределами повестки дня, неучастие даже одного участника гражданско-правового сообщества будет влечь ничтожность решения. Поэтому законодателю следует указать более точно на смысл понятия участие в собрании. Всякое толкование понятия участия в собрании будет по своей полноте и общности равно отдельной норме.

Осложняется ситуация тем, что есть прямое указание на возможность участвовать, но воздержаться от голосования. А возможно ли вообще участие без голосования в заочно проводимом собрании?

Так же возникает неясность с самим голосованием, как волеизъявлением. Упоминается только прямое «за», «против», и воздержание от голосования. Но есть и другие фактически применяемые варианты голосования, как минимум применяются голос «воздержался». Голосование голосом «воздержался» отличается по сути от самого воздержания от голосования. А иные виды голосования могут ли быть возможны, например, голоса с условиями или голоса за часть предложения о решении? Запрет на них формально отсутствует, но норма о принятии решения их фактически запрещает. При этом они могли бы обеспечивать баланс интересов лица, определяющего повестку дня, и участников собрания. Известно, что возможность определять саму формулировку предложения даёт значительные преимущества, например, появляется возможность пакетного принятия фактически нескольких решений в одном, без возможности принять решение в части. В том виде, в котором право о решениях собраний узаконено сейчас, оно серьёзно сокращает возможности участников гражданско-правового сообщества использовать удобные и сбалансированные механизмы принятия решений.

Правоположения содержат указания на три обязательные роли: председатель собрания, секретарь собрания и лица, проводящие подсчёт голосов. При этом понятны лишь обязанности лиц, проводящих подсчёт голосов. Неоднозначно введение ролей, если лица их занимающие не имеют ни установленных обязанностей, ни какой-либо специальной ответственности, ни особых полномочий. При это, в действительности, почти всегда есть лицо-инициатор собрания, но его роль даже не упомянута. В то же время отсутствие одной из этих пустых ролей влечет оспоримость решения собрания, поэтому они вынужденно заполняются.

Не урегулирован вопрос вступления в силу решений собрания: момент завершения голосования, момент подписания протокола, момент опубликования или доведения до сведения участников гражданско-правового сообщества? Сама необходимость надлежащего доведения до сведения участников гражданско-правового сообщества также отсутствует. При этом так как под страхом недействительности необходимо наличие председателя и секретаря, то председателя и секретаря часто избирают решением собрания. Будет ли такое избрание действительным, если оно распространяется на время, когда собрание еще не окончено и решение еще не принято? Насколько вообще есть полномочия собрания на избрание председателя собрания, секретаря собрания и лиц, ведущих подсчет голосов? Если обязательность решений собраний следует только из закона, а в законе прямо не указаны полномочия на такое избрание, то по общему смыслу гражданского законодательства такое избрание может быть только единогласным.

Кроме изложенного, есть ряд моментов на которые законодателю, как кажется, следует обратить внимание.

У участника собрания вообще говоря недостаточно возможностей для оспаривания решения собрания на основе сфальсифицированного протокола. У участников нет возможности провести пересчет голосов самостоятельно или иным способом получить доказательства фальсификации протокола. Так как вообще говоря нет обязанности предоставлять оригиналы документов подтверждающих голосование у лиц их держащих по обоснованному требованию, так же как и нет общей обязанности хранить оригиналы документов (такая обязанности могут быть установлены в нормах законов об отдельных видах собраний, но могут и не быть установлены). Участник собрания, если в законах об отдельных видах собраний иное не урегулировано, по сути должен будет искать доказательства отрицательных фактов.

Кроме указанной проблемы есть и общая проблема с разделением бремени доказательств в устанавливаемых правоотношениях. Так, по мнению Верховного Суда обязанность доказывания отсутствия надлежащего опубликования ложится на лицо его оспаривающее, то есть опять же необходим поиск доказательства отрицательного факта. Возможно, законодателю стоит нормативно закреплять разделение бремени доказательств в рассматриваемых правоотношениях.

В целом частноправовой характер регулирования решений собраний, который выбрал законодатель, может не противоречить введению демократических (защищающих слабую сторону) элементов, которые вполне могут быть непубличными. Но обсуждаемые правовые положения ими пренебрегают несмотря на то, что решения собраний фундаментально не являются сделкой, так как в них есть элемент принуждения против воли (по крайней мере, среди исследований нет по этому вопросу преимущественного совпадения мнений), а значит единственный способ их сбалансировать это нормативно урегулировать демократические (защищающие слабую сторону) элементы в них.

В правилах об оспоримости прямо указаны случаи, когда участник гражданско-правового сообщества может его оспорить и основания такого оспаривания. При этом могут в некоторых случаях по смыслу правоотношений оспаривать решения собраний и иные лица, не являющиеся участниками гражданско-правового сообщества, как то: лица на которые распространяет-

ся обязательность решения собрания; лица, на которые не распространяется обязательность решения собрания, но интересы которых затронуты; возможно иные лица. Раз введены особые основания для участников гражданско-правового сообщества, возможно законодатель имеет смысл распространить норму явно на более широкий круг лиц, например, обобщив имеющиеся нормы об отдельных видах собраний.

Так как решения собраний это не сделка в строгом значении, то для споров в связи с ними недоступен третейский суд. Может быть, можно найти способы, не противоречащие концепции регулирования законодателя, позволяющие задействовать этот частноправовой институт. Например, соглашение, включающее всех участников гражданско-правового сообщества или уполномочить собрание на принятие решения о допустимости третейского разбирательства при, возможно, квалифицированном большинстве голосов. Можно ограничить третейские разбирательства только администрируемыми постоянно действующим арбитражным учреждением. Всё это может постепенно сближать решения собраний со сделками.

Теперь перейдём к критике со стороны обоснованности права и восстановленных принципов гражданского законодательства.

Непредметность решений собраний и явно заметный по содержанию правоположений неутончённый доктринальный статус, что само по себе свидетельствует о расхождении с началами обоснованности права. Хотя правовое регулирование этого предмета действительно назрело, а потому само регулирование, конечно, соответствует рыночными условиями и способствует восполнению пробелов регулирования.

Центральная норма о принятии решения собрания произвольна, демократичность (подчинение большинству) сама по себе не входит в число принципов гражданского права, а кроме того создаются стимулы неучастия в собрании, что противоречит необходимости развития гражданского оборота, а значит и принципу соответствия рыночным условиям.

Отсутствие многих общих норм о собраниях также нельзя укоренить ни в одном из принципов, наоборот, это противоречит принципу господства общих норм над частными правилами в законах об отдельных видах собраний.

Отсутствие детальных норм об этапах собраний, их временных рамках, вступлении решений в силу, участия в собрании также нельзя укоренить ни в одном из принципов, наоборот, это отсутствие противоречит принципу максимальной детализации до степени, отсутствие которой не может быть восполнено судом.

Ограничение возможностей по голосованию фактически простыми «за» и «против» противоречит принципу свободы и многовариантности, при этом не видно, как можно укоренить соответствующие правоположения в более приоритетных принципах.

Пустые обязательные роли в собраниях противоречат принципу недопустимости неоправданных другими целями препятствий для участников оборота и при этом также не видно, как можно укоренить их в иных принципах.

Отсутствие элементов балансирования влияния на принятия решения собрания его участников и инициатора собрания (лица, определяющего вопросы повестки дня собрания), отсутствие общих норм, делающих возможным пересчёт голосов, отсутствия баланса в определении бремени доказательства при спорах противоречит принципу усиления государственного влияния на гражданский оборот и при этом не может быть выведено из принципа преимущественно частноправового регулирования, так как демократические элементы (защита слабой стороны), не противоречат сами по себе частноправовому способу регулирования.

Хотя упор на оспоримость в недействительных решениях собраний соотносится как с принци-

пом усиления государственного влияния, так и с принципом преимущественного частноправового способа регулирования, но сам выбор границы подразделения решений на ничтожные и оспоримые видится произвольным.

В целом с точки зрения обоснованности права решения собраний, как они сейчас узаконены, являются в большей своей части произвольными и подробно обосновать их в принципах, которые заявляют авторы концепции развития гражданского законодательства, невозможно.

Теперь перейдем к рассмотрению решений собраний со стороны свойственности права. Для этого определим предмет правотворчества для цели составления образа права о собраниях с учетом начала свойственности права.

Собрание это самостоятельное временное самоупорядочение сообщества лиц по поводу определённой повестки. Собрание не является лицом, не имеет собственного имени и правоспособности, не имеет своего блага, отдельного от блага сообщества.

Собрание нацеленно и способно к волеизъявлению от имени всех участников сообщества, объединённых стремлением к благу для всего сообщества, для чего ведёт деятельность по необходимости образования собрания, обсуждения повестки в целом и по отдельным вопросам и вынесения постановлений по итогам обсуждений по вопросам этих постановлений.

Собрание имеет гласный состав, образуемый из участников сообщества путем их добровольного самовключения в состав.

Предлагается именовать волеизъявления собрания по отдельным вопросам постановлениями. Постановление, дающее решение вопроса по существу повестки и тем связывающее всех участников сообщества, предлагается именовать решением.

Собрание отличается в сторону упорядоченности от сходов. В сторону временности от советов. В сторону самопредставительства от съездов. В сторону отсутствия собственной правоспособности от лиц. В сторону непредопределённости от договорных или уставных образований. В сторону связанности предметной повесткой в пределах своих полномочий от властных образований.

Из такого описания предмета правотворчества видно, что понятие собрания может строиться только на понятии сообщества. Поэтому необходимо очертить сообщества как значимый в правовом смысле предмет.

Сообщество имеет определённое предметное основание. Оно, в отличие, с одной стороны, от лица не имеет своего имени и правоспособности, а с другой стороны, оно отличается от объединения тем, что предметное основание образования его состава не допускает простое отпадение его участников. Сообщество, хотя вообще говоря не обладает такой способностью, может, при необходимости, иметь единую волю и действовать как единое лицо именем всех своих участников. Именно поэтому в поле права появляется собрание, как лишь способ, которым воплощается такая способность сообщества. Отказывая сообществам в правоспособности и иных качествах единого лица, возможно дать ему способность иметь единую волю только вообразая его единым лицом, это правовая фикция, введение которой может быть оправдано лишь при необходимости.

С одной стороны собрание невозможно без сообщества, то есть предметного основания, которое соединяет в сообщество его участников, а с другой сама возможность его допущения лежит в надлежащей в своей необходимости повестке, то есть, в том необходимом круге вопросов и предметов по поводу которого собрание, как самоупорядочение сообщества, может возникать являя воображаемое единое лицо, то есть в той необходимости, что вызывает к жизни правовую фикцию.

Таким образом, возможно продвигаться в уточнении оснований собраний с двух сторон: стороны предметов образования сообщества, стороны надлежащей в своей необходимости повестке собраний.

Мыслимы, по крайней мере, такие способы образования сообщества: действительное соединение действием сообща, образование по поводу правоотношения, образование по необходимости дела. Определяющей чертой сообщества является невозможность простого отпадения его участников, поэтому:

Для соединения действием сообща, состав участников сообщества будет определяться существом совместной деятельности и включать только тех лиц, участие которых существенно для неё и отпадение которых по сути будет означать её прекращение или существенно её затруднит и которые имеют обязательство по участию в ней. Благо для такого сообщества это преуспевание в совместной деятельности или достижение её цели. Образцовый пример такого случая — сообщество товарищей договора о совместной деятельности.

Сообщество по поводу правоотношения включает только лиц, которые участвуют в соответствующем правоотношении. Благо для такого сообщества это естественное упрочение положения в соответствующем правоотношении. Образцовый пример такого случая — сообщество сособственников, благо для которого приращение или увеличение ценности собственности для сособственников.

Сообщество, образованное по необходимости дела, будет включать только тех лиц, которых неизбежно затронет его итог или ведение. Благо для такого сообщества это естественное благо для дела. Образцовый пример такого случая — сообщество преимущественных пользователей общественного блага при его создании.

Как уже отмечалось, не всякая повестка допустима для собрания. Собрание может быть образовано только для обсуждения той повестки, в которой заключено требование о волеизъявлении от имени всех участников сообщества, невозможность устраниваться или остаться в стороне для сообщества от вопросов поднимаемых в повестке, необходимость действовать сообществу как единое лицо. По сути такая повестка исключительна и по общему правилу произвольные вопросы или вопросы по усмотрению участников сообщества на обсуждение собрания выноситься не могут. Скорее, такая повестка будет внешней по отношению к сообществу и будет строиться и предлагаться сообществу по необходимости извне.

Важная сторона вопроса требующая осмысления это благо для сообщества. Конечно, в современном гражданском праве самобытность воли чрезвычайно высоко ценится и, по крайней мере, при полном совпадении частных волей всех участников сообщества, эта воля с лёгкостью будет названа волей сообщества. Но есть соображения против такого подхода. Подход самобытности воли не самый важный из подходов, а потому, мыслимо, например, следующее. Участники сообщества даже совместно не определяют сообщество, сообщество определяет его предметное основание, А состав участников может меняться, а значит нужно учитывать пользу и для возможных будущих участников сообщества, например, и благо для него в целом, то есть воля сообщества имеет своим звеном часть, несводимую к совокупной воле участников сообщества.

Вообще говоря, сообщество неспособно к отправлению воли и говорить о ней можно только если появляется необходимость в том — собрания это способы порождения воли сообщества в случае необходимости. Основанием для отправления воли сообществом может быть необходимость различного рода. Перечень надлежаще обоснованных случаев необходимости возникновения требующей разрешения повестки вряд ли может быть закрытым. Как общие начала права, так и частные подходы к обоснованию права, например, следующие из свойственности права, могут предоставлять основу для надлежащего обоснования таких случаев.

Например, необходимость может возникать в силу существа предмета образования сообщества или некоторого отношения по поводу этого предмета, такая необходимость является надлежащей в силу основных начал права — его соответствия своему предмету.

Если необходимость появляется в силу закона, иного общеобязательного правового предписания, примененного правового обычая или иного правомерного требования, то это следствие требования законности.

Если необходимость появляется в силу разумного ожидания внешних сообществу лиц, о том что участники сообщества возьмут на себя заботы по существу предмета образования сообщества, уберегая их от неблагоприятных последствий уклонения от таковых забот, то это следствие требования добросовестности. Пример — необходимость должного содержания имущества сособственниками, если уклонение от него будет досаждать иным лицам.

Необходимость может возникать вследствие требования равенства, например, если возникает необходимость устранения перекосов в использовании общественного блага, неблагоприятно влияющих на возможность равного его использования участниками сообщества преимущественных его сопользователей.

Если решение должно быть принято в силу обстоятельств, которые делают уклонение от разрешения вопросов значительно худшим выбором для всех добросовестных участников, чем принятие любого решения, то это следствие требования необременительности.

Если необходимость разрешения вопросов повестки, увязанной по существу с сообществом, обусловлена соглашением всех участников сообщества, то собрание по поводу этой повестки может надлежащим образом управляться узаконением о собраниях, если только соглашение не предусматривает определенного иного способа порождения волеизъявления сообщества (в противном случае этот способ становится полноценной сделкой) — это следствие требования свободы усмотрения сторон.

Кроме общего содержания права о собраниях из описания его предмета следует что, по крайней мере, необходимо определиться с положениями: об образовании собрания и соотношении его состава с составом сообщества; об упорядочении собрания, о лицах, занимающих особое положение в нём, его созыве, ведении, окончании; полномочиях собрания на волеизъявление от имени всех участников сообщества.

Из существа предмета следует, что в собрании по общему правилу могут принимать участие все участники сообщества. Но так как собрание нацеленно на волеизъявление по поводу своей повестки по итогам рассмотрения собранием и обсуждения различных точек зрения, то собрание обладает своим живым содержанием и чрезмерное количество участников будет препятствовать выражению собранием своего содержания, а значит следует предусмотреть и представительские виды собрания. Но так как они сильно отличаются по многим качествам, то, видимо, они должны узакониваться отдельно.

Во всяком случае, вид собрания должен позволять собранию содержательно обсуждать повестку. Если собрание очное, то либо оно должно иметь разумное для того количество участников или проводиться с неоднократными заседаниями. Разделение собрания на отделения это шаг в сторону представительских собраний (съездов), а потому может быть сделан только, если есть необходимость в этом и если соблюден порядок обеспечивающий достаточные для всех возможности влияния на обсуждение повестки. Решение может быть принято только по достаточно обстоятельному рассмотрении повестки и предоставления всем участникам сообщества возможности повлиять своими соображениями на итог волеизъявления от имени всех членов сообщества. Тем членам, которые не могут или не желают участвовать в заседаниях, обязательно должна быть предоставлена возможность направлять послания собранию.

При этом у участников сообщества есть свобода на участие в собрании и в заседаниях по своему усмотрению. Неучастие в очном собрании не должно служить основанием не рассматривать голос участника сообщества. Даже в случае неучастия ни в заседаниях, ни в собрании участника сообщества, польза для него должна учитываться наряду с пользой для всех других участников сообщества и благом всего сообщества в целом. Собрание не может рассматриваться, как способ получения частного преимущества для участников собрания, а только как способ определения наилучшего для блага сообщества от имени всех его участников.

Выбор вида собрания не может быть продиктован необходимостью скорейшего решения определённого вопроса, так как собрание это способ обстоятельного обсуждения и порождения воли сообщества (в том числе увязки воли участников сообщества), что не может быть быстрым само по себе и оставаться при этом содержательным. А значит у собрания должны быть полномочия определения способа решения неотложных вопросов от имени всех членов сообщества, например, избранием совета, единоличного должностного лица или иным способом с определением соответствующих полномочий. Любое лицо, принимающее неотложные решения от имени всех членов сообщества, действует, конечно, только к пользе всего сообщества в целом.

Отсутствие полномочного на принятие неотложного решения по какому-либо поводу для сообщества не должно быть непреодолимым правовым препятствием. Должны существовать положения, которые предписывают местной власти, соответствующему ведомству или иному уполномоченному лицу принимать решения распорядительным образом, при неотложной необходимости, или вмешиваться от имени всех членов сообщества в ход образования собрания при явной неспособности к этому сообщества.

Разрешение вопросов повестки собрания это необходимость, поэтому, по обстоятельном обсуждении всех пожелавших участвовать в нём, решение должно быть принято в разумный срок, определяемый, конечно, существом необходимых к разрешению вопросов. Поэтому устанавливать требования кворума не будет разумно. Как мы видели ранее, наличие требования о кворуме может приводить к появлению нежелательного последствия — побуждения к неучастию в собрании или обсуждении. Тем более, что так как содержательно главное в собрании это обсуждение, то само понятие участие размывается, оно несводимо к голосованию, так же как голос участника сообщества в обсуждении несводим к его голосу в голосовании.

Так как собрание есть самоупорядочение, то и установление должного устройства собрания, требования к голосованию, даже самой необходимости голосования будет противоречить существу предмета права. Голосование, вообще говоря, если не свести его в узкие границы, всё равно не будет допускать строгого счётного итога. Итоговое решение, вообще говоря, это выразитель голосования, даже если оно проводится, а не тождественный ему итог — по той причине, что возможны, вообще говоря, всякие голоса, не только «за», «против», но и условные, частичные, распространённые по содержанию голоса. Всё это не значит, что голосование не может быть простым, но значит, что оно вообще говоря не может быть простым и механистичным.

Есть ли у собрания полномочия на самообустройство, может ли оно участвовать в самоупорядочении сообщества, которым оно само является? Так как повестка это требование о необходимом решении, то можно взглянуть на способ самоупорядочения сообщества, как на служебную повестку, которая необходима в силу необходимости принять решение по поводу содержательной повестки. Но, как легко видеть, такой взгляд не даст тем не менее никаких намёков на то, какими должны быть способы самоупорядочения сообщества, так как от повестки второго уровня (служебной повестки) также можно перейти к следующим уровням впав в дурную бесконечность. Происходит эта сложность по причине вообще неприменимости в строгом смысле права к вопросу о способах самоупорядочения, это поле — поле политики, то есть способа и оправдания появления того или тех, кто говорит от имени всех участников сообщества, появления пусть на время, но единого лица из разрозненного соединения лиц.

Конечно, право не может устраниваться от вопроса образования собрания, так как право должно давать или, по крайней мере, способствовать определённости. Но нельзя прибегать, исходя из сказанного выше, к императивному методу регулирования. Диспозитивный метод регулирования, также неприменим по причине того, что в большинстве случаев все члены сообщества не будут заключать соглашения об образовании собрания, в этом одна из причин, почему вообще право о собраниях настолько отличается от права о сделках, и это нельзя сбрасывать со счетов. Диспозитивный метод в условиях сообществ станет по сути императивным. Поэтому самый приемлемый метод, это рекомендательный, при котором право будет предлагать определённые, возможно многочисленные, способы образования собраний в сообществах, пролагая разные примерные колеи для различных видов сообществ, а возможно и просто для пополнения многообразия, из которого сообщества смогут выбирать подходящий.

Подводя итог изложенному выше. Сообщество это основное понятие, через которое мы приходим к собранию. Собрания и право о них нужны лишь по столько, по сколько возникает необходимость сообществам, не имеющим правоспособности лиц и своего имени, действовать как-будто они есть единое лицо способное к отправлению своей воли. Всё право о собраниях это, на самом деле, право о способности сообществ к отправлению воли. Определив предметно сообщество и противопоставив его объединениям с одной стороны и лицам с другой мы приходим к пониманию, что право о собраниях должно давать — чего законодательство сейчас не делает — содержательный и достаточно общий ответ на вопрос: когда сообщества, вообще говоря неспособные к своеволию, могут всё же свою волю отправлять?

1 марта 2021

А.Ю. Михайлов